

Я,

ОНИ

И СВЕТ

АННА
ЗИМИНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Зимина Я, они и свет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68858346

SelfPub; 2023

Аннотация

Тьма исчезла. Но на смену ей идет совсем другая сила, и она куда страшнее. Очень сложно спастись, когда твое сознание разделяется на два мира, а ты всего лишь слабая девушка. Блондинка или брюнетка? Независимый главбух или несчастная рабыня? От перемены мест слагаемых сумма не меняется – жарко будет всем. И в мире магии, рабов и жестоких мужчин, и в мире свободном, современном, где жестокие мужчины тоже водятся в изобилии. Главное теперь – выжить и отстоять право быть свободной и счастливой, чего бы это ни стоило.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анна Зими́на

Я, они и свет

Глава 1

Парай, лучший и любимый артефактор императора Пилия, нагревал тоненькую латунную лапку. Одно ловкое, четко выверенное движение вверх – и готово. Очень осторожно положить подправленное оружие на место, в обитый прочным металлом короб. Сколько же еще работы!

Парай выпрямился, со стоном разогнув затекшую спину. Такова уж работа артефакторов, ничего не поделаешь. Умылся холодной водой, чтобы смыть с лица пот от ярких ламп. С черной густой бороды накапало на пол.

Целый день Парай не выходил из мастерской. Узнав о том, что их сумасшедший император мертв, Парай тут же с еще двумя мастерами заперся в тайной комнатухе, где они ранее вместе с Пилием создавали совершенное оружие. Мастера видели, что создавал император при помощи своей диковинной магии. Олтан, второй мастер, едва не упал, когда впервые увидел ожившие железные жвала. Император тогда был очень доволен, зачаровывая первое оружие.

После этого были сотни других видов. Раскаленный металл лился круглые сутки, собираясь потом в пустую форму

для магии императора. Затягивающиеся вокруг шеи цепи, металлические щупы, железные челюсти и капканы, отравленные дроты, которые никогда не останавливались, пока не находили цель, медные тяжелые насекомые – верх искусства. И что, вот так все это оставить?

Парай фыркнул, вытираясь полотенцем. Посмотрел на пол, на который уже натекла приличная лужа – борода у Парая была знатная. Рядом с лужицей все еще заметно было бурое пятно. Сильно пропитало доски пола, не отмыть теперь.

Парай быстро отвел взгляд, возвращаясь за свой стол.

Очень часто император Пилий был нетерпелив, когда дело касалось проверки очередного оружия. Он приказывал приводить пленных или преступников прямо сюда. И на них проверялись способности нового оружия. Парай до сих пор помнил глаза молодого связанного парнишки, когда вокруг его шеи затянулась тонкая серебряная цепочка. Парай тогда хотел убежать куда глаза глядят, но потом... Потом Пилий отсыпал своим лучшим артефакторам столько золота, что его хватило бы на спокойную безбедную жизнь. И Парай и остальные смогли привыкнуть. Даже порой помогали страже выносить отравленные или истерзанные тела. Только один из них, Грах, сбежал, говоря о том, что, когда закончатся пленные и преступники, императору будет все равно, на ком испытывать оружие. Кто под руку подвернется, тот и сойдет.

Где теперь этот Грах? Кормит собой рыб в реке Орке близ границ.

Оружия, созданного Пилием, было очень, очень много. Оно было живо, оно двигалось, дрожало от нетерпения и желания отравить, сожрать, выпиться кому-нибудь в горло. Оно было полно злой жуткой магией – магией некроса, смерти и разрушения. Страшно.

Но что такое страх перед жаждой наживы? То, что лежало в этой комнате, могло бы сделать артефакторов богаче королей. Это была золотая жила, о которой никто не знал.

Письма в сопредельные страны уже были разосланы. Письма с чертежами, с карточками, с лучшими предложениями для императоров, князей и королей – первых лиц всех стран, которые только существовали. Первые ласточки с заказами уже прибыли в дом Парая. Осталось только немного потрудиться. Две недели, три, максимум – месяц, и все будет распродано за очень большие деньги.

Тогда можно будет отправиться хоть на край земли, купить драгоценных рабынь и рабов, построить замок роскошнее королевских и жить без забот, в роскоши и неге. Все эти рабыни с нежными руками и ланьими глазами, все эти великолепные, отделанные золотом комнаты в личном дворце, пиры, балы и развлечения уже мелькали розовой мечтой в воображении Парая. Он был готов на все, чтобы эти мечты сбылись.

Остальные, Олтан и Григой, тоже не отставали – работали не разгибая спины. И скоро первые ласточки с шевелящимися от жуткой магии орудиями полетели по другим стра-

нам, по городам, по богатым поместьям, по императорским дворцам.

А вслед за ними стелились распухающие гниющие нити. Они множились, как множится ядовитая плесень на забытом куске хлеба, они растягивались, росли, нарушали природный баланс, который создавали боги много-много лет тому назад, заражали сам воздух, самую суть мира своей гнилью. Но кто бы это увидел?

Это было подобно радиации, облучению – невидимые грязные потоки двигались от мастерской императора и расходились волнами по дигонской земле. А вслед за отправленным артефакторами оружием заражали и другие страны.

Но Парай, пересчитывая глубокой ночью золотые кругляши из разных стран, этого не знал. Да если и знал бы, то не факт, что он захотел хоть что-то изменить. Он давным-давно продал душу золоту. Еще в тот момент, когда, обливаясь от страха потом, смотрел в молящие глаза умирающего от удавки парнишки. Еще в тот момент, когда согласился остаться и продолжать работать на императора. Ведь платят такие деньги!

Золото – вот оно. Греет руки, ощущается приятной тяжестью на ладони. Его можно потрогать, погладить, обменять на то, что так страстно желалось. А магия? Как ее потрогать, увидеть? Никак. Значит, и переживать не о чем.

Дигон застыл на несколько дней в ожидании. Война, объ-

явленная Пилием всему миру, могла стереть Дигон с лица земли, но пока все было тихо. Империи облегченно выдыхали – почти никто, кроме Тироя, серьезно не пострадал. Но беда пришла не оттуда, откуда была ожидаема.

Только-только Дигон отошел от траура после смерти своего короля, как случилась новая напасть.

Последняя доля лета, дни от солнечной высоты до первых осенних дождей, были в Дигоне периодом страды. Поспевали кислые зеленые сливы у гор, твердые красные яблоки, ячменные колосья, драгоценный амарант, который рос только тут, в плодородных небольших наделах. В это время и в лесах, и в реках была пора изобилия: рыба, дичь, грибы, ягоды, коренья... Все поспевало одновременно, и в эти несчастные двадцать дней едва хватало рук, чтобы сделать запасы.

Люди с утра до ночи пропадали в полях, в лесах, у озер и рек, но вот странное дело: часть урожая просто-напросто высохла, хоть и не было в этом году суши. Озадаченные крестьяне тревожно переговаривались, ругали теплую погоду и корнеедов, которые, по их мнению, испортили урожай: ведь плодородная земля почему-то высыхала и превращалась в сероватый прах.

А потом тревожная весточка пришла из озер – рыбы не стало. И из лесов тоже новости от озадаченных охотников – звери исчезли. Пара белок да с десятков сорок – вот и все, что встречалось охотникам в лесу, который до этого был богат на добычу. Пустые шишки, засохшие, скисшие прямо на

ветках ягоды, непригодные в пищу, скукоженные крошечные корешки, гнилые орехи... Оставались еще нормальные леса дальше, ближе к границам, дальше от столицы. Там и земля не сохла, и скот не погибал от непонятного мора, и все пока было хорошо.

Верящие в своих вымышленных богов, дигонцы (не без поддержки местного духовенства) решили, что так боги наказывают за то, что народ не уберег своего повелителя. Запылали жертвенные огни, затянули люди старинные хвалебные песни – лишь бы боги смилостивились. И на этом успокоились, ожидая спасения от высших сил.

Если бы они только могли видеть... Они бы с криками ужаса сбежали бы в самые отдаленные уголки империи, в другие страны, испуганные заразной гнилью магических нитей. Но они не видели. Они ходили в храмы, торговали в лавках, учили детей, лечили больных... Жили обычной своей жизнью, не подозревая, какую беду принес им ныне покойный император.

Глава 2

Ват Йет умел дозированно выдавать информацию. Еще он отменно умел лгать в лицо. Что он сейчас и проворачивал, стоя у постели императора Пеора, еще не до конца оправившегося после укуса паука.

По его словам выходила дивная картинка, имеющая мало общего с реальностью.

Если бы император знал правду, он давно бы приказал повесить Дерекка Ват Йета на центральной площади, а рядом поставить пару корзин с камнями, чтобы каждый желающий мог в него запустить булыжником.

Но императору даже в страшном сне не могло присниться, что сам Ват Йет организовал взрывы магазина с мирным населением, здания ГУСа и дворца для того, чтобы развязать войну и завладеть источником на территории Дигона. Если бы император только знал, что его родной сын, Малек, продался Ват Йету и согласился разыграть собственное похищение, спрятавшись в надежном местечке, он бы и его придумал тоже. И уж совсем в шоке император был бы от планов Ват Йета, в которых темная, выведенная из себя театральная постановка, уничтожила бы Пилия. Это насколько нужно не обладать эмпатией и быть равнодушным сукиным сыном, чтобы поступать так? К тому же, тьма – сила и величина неизвестная. Пользоваться ею – то же самое, что поль-

зоваться извергающейся лавой и подчинять ее себе.

Если бы Пеор узнал о планах Ват Йета, Ват Йет не прожил бы и дня. От него избавились бы, как от сумасшедшей ядовитой змеи, несмотря на заслуги, древний род и прочие регалии.

Но Пеору, как уже говорилось ранее, такое и в страшном сне не могло присниться. Поэтому он, уже обняв предателя-сына и смахнув с щеки слезинку, решил наградить Ват Йета очередной имперской медалью.

Император Пеор был счастлив и доволен. Еще бы! Ват Йет смог отыскать Малека, его сына, которого император уже мысленно похоронил. Новости, пришедшие с полей, тоже были очень приятными: Пилий непостижимым образом умер, и война сразу же приостановилась. Сам Пеор жив и относительно здоров. Это уж благодаря той девочке, темной, которую Ват Йет от себя далеко не отпускал.

– Где девушка? За свои деяния и она достойна награды, – сказал император, прослушав сказочно прекрасный отчет Дерека Ват Йета.

– Отдыхает, – ответил Ват Йет, – немного не в себе, устала.

– А ее тьма...

– Тьма, насколько я могу судить, исчезла.

– Это как так?

Ват Йет пожал плечами.

Вчера он целый день пытался добиться от девчонки хоть чего-то, но она сразу же впадала в истерику после того, как

просыпалась после магического «успокоительного». Поэтому Ват Йет решил подождать. Пусть придет в себя. Ей крепко досталось.

За это Дерек испытывал вину. Он не знал, как вести себя с ней дальше. «Ты предал ее. Это было очень жестоко», – шептал ему внутренний голос. «Но я предал ее ради государства, ради жизни сотен тысяч людей», – отвечал он сам себе. Но эти ответы успокаивали его слабо.

Он сам сейчас находился в раздрае.

Тьма, которую он привык сдерживать столько лет, исчезла, но привычка подавлять все, что он чувствовал, осталась. Он был как человек, который тридцать лет каждое утро подвязывал яблони в собственном саду, а потом понял, что яблони подвязывать не нужно – они перестали плодоносить. А потребность осталась, привычка осталась. Так и ходит этот человек по саду, мучительно ищет, что бы ему подвязать. А нечего. И он, как дурак, по привычке накручивает на сухие бесплодные ветки старых яблонь разлохматившиеся от времени веревки.

Так и Ват Йет себя ощущал – дураком. Он подавлял злость, усталость, раздражение, подавлял недовольство, а потом понимал, что тратит энергию на ненужное. Он сжимался, эмоционально сдерживался, а потом оставался с чувством недоумения. Зачем? Для чего? Но по-другому он не мог.

Сейчас ему больше всего хотелось поговорить с Йолой.

Он говорил и императором, лгал, удерживая на лице непроницаемое выражение, а сам поглядывал в окно.

Она, наверное, уже проснулась. Утро.

Утро.

Вот бы открыть глаза и увидеть белый потолок в электрическими встроенными лампочками. Чтобы ровные стены, выкрашенные бежевой краской, белое окно с персиковыми занавесками. И фен. И баночки с кремами в рядок. Тостер и горячий хлеб, очень вкусный кофе из кофеварки. Шоколад в ярких упаковках, одежду в шкафу, необычную и очень красивую. Закрывающуюся на несколько замков дверь, чтобы никто и никогда не посмел зайти без разрешения.

Вот бы открыть глаза и увидеть детскую площадку и парк из окна внизу, снег на асфальтированных дорожках, макушки людей в теплых шапках, которые цепочкой бегут к метро. Целый дорожный город под землей! Как здорово!

Вот бы увидеть.

Йола плакала, не открывая глаз. Она уже ощущала, что не увидит ничего из того, что стало ей так дорого. Она чувствовала свое тело, свои длинные волосы, которые щекотали кожу бедер, колкое постельное белье – в ее мире не было настолько нежных тканей. В ее мире не было настолько добрых людей. В ее мире не было свободы.

Она опять рабыня. Она снова никто.

Горе и потрясение, которое она испытала, оказавшись снова тут, в этом проклятом мире, снова вернулись в полном объеме. Покачнувшись, Йола встала с постели и повернулась к окну. Утро.

А высоко... Она в Старом Шпиле императора, в одной из верхних башен. Почему она тут? А, впрочем, неважно.

Йола подошла ближе. А может?.. Тогда все закончится. Она не сможет жить тут после того, что случилось. Не сможет!

Истерика подкатывала к горлу. Сердце колотилось как сумасшедшее. Один рывок, один шагок – и все. Разобьется о каменную брусчатку, умрет и, может быть, снова окажется там, в том благодатном мире, полном покоя и свободы? Вот было бы хорошо.

На бледном до синевы лице плеснула жалкая улыбка. Девушка уверенным жестом дернула за ручку окна. Закрыто! Дернула еще раз. Магия! Закрыто магией! Против магии никак.

Ну тогда, может, вон тот нож для разрезания бумаг? Не очень острый, но на порезанном пальце выступила капелька крови. Отлично. Теперь главное – успеть, чтобы никто не зашел.

Одним взмахом располосованное запястье и одновременно с этим – стук и сразу же беспардонно распахнутая настежь дверь, изумленный вскрик и звон ножа по полу, выбитый из ослабевшей руки.

– Йола! Йола! Ты с ума сошла?! – тряс ее кто-то за плечи изо всех сил. А потом по щеке без замаха ударила рука – не сильно, скорее, обидно. По руке потекла исцеляющая магия. Перестала капать кровь.

– А ну, упокойся. Поспи.

Снова магия, снова сон... Ну и ладно. Сон – лучше, чем реальность. По крайней мере, именно эта реальность. Может, так и провести свою жалкую рабскую жизнь? Во сне?

Сав растерянно смотрел на девушку. М-да... Крепко ей досталось. Может, она того, сошла с ума? Тогда это стало бы серьезной проблемой.

Савар подумал немного и закрепил на запястьях девушки маленькие магические маячки. Подумал еще немного – и тонкие нити крепко стянули ее предплечья. Пусть уж лучше так, чем... Он покосился на окровавленный нож для бумаг, на натекшую лужицу крови. Да, с девчонкой явно не все ладно. Но не сидеть же с ней целыми днями и пытаться успокоить?

Не сидеть.

Сав вышел, закрыв дверь магией.

Я вытянулась на своей родной постели, сладко зевнула и укуталась в одеяло снова. Хорошо-то как! Я была безобразно, абсолютно счастлива, что все закончилось. Я в своем доме, в своем теле, в своей жизни... Это же такое блаженство!

Мою голову не раздрают чужие мысли, мое тело – только мое и ничье больше, моя мимика, привычки, волосы, кожа, шпрамик на безымянном пальце... Все мое!

Я потянулась еще раз, широко зевнула, вытянула руки и ноги, ощущая каждую мышцу... Хорошо!

– Дз-д-ззз!

– Черт бы тебя побрал, – выругалась я, испугавшись неожиданного звонка в дверь. И кого принесло в субботу в десять утра? Дома нету никого, спят все!

Но настойчивый гость не унимался. На звонок жали без всякого стеснения: явно знали, что я дома.

Я сползла с кровати и, тихо матеря незваного гостя, направилась к двери. Выглянула в глазок.

– ... твою мать! А этому козлу что тут надо? – обалдела я, разглядывая в глазок бритую и довольную физиономию своего бывшего мужа. Да он еще и с цветами! Какого ... происходит?

– Чего тебе? – рявкнула я из-за двери, изо всех сил сдерживая злость.

– Верунчик, ну ты чего? Открывай давай!

Я поперхнулась. «Верунчик»?! Это уже вообще ни в какие рамки! Йола что, сошлась с этим козлом?!

– Тут кофе твой любимый стынет! И пирожные!

При мысли о пирожных меня затошнило. Вспомнилась довольная улыбчивая морда Савара, когда он заботливо меня угощал. Сволочь! Воспоминания о недавних событиях

подняли мне давление настолько, что я, не стесняясь выражений, послала муженька туда, откуда нормальные люди не возвращаются.

За дверью озадаченно примолкли.

– Верунчик, у тебя все хорошо? – осторожно спросил муженек. Явно ненормальный!

Так. Надо взять себя в руки и выяснить, что тут Йола в мое отсутствие натворила. Неужели она – с ним... Пфе! Только не это!

И я, цепляя на лицо нейтральное выражение, поспешила открыть дверь. Чем быстрее я все узнаю, тем быстрее со всем разберусь.

Игорек, мой бывший муж, был не самым лучшим представителем сильной половины человечества. Уж как Танька меня отговаривала от замужества... Но я была влюблена, не замечала минусов своего обоже и не слышала звоночков. Мне казалось, что все в пределах нормы.

Проблема была в том, что мой бывший очень любил все планировать и неукоснительно свои планы соблюдал. Все окей, скажете вы, все любят планировать. Но только Игорек, если планы срывались или не соответствовали его светлым идеалам, злился. Поначалу он себя, конечно, сдерживал, но Татьяна и еще пара подруг попытались мне открыть глаза после совместных шашлыков.

Наша небольшая компань преимущественно институтских еще друзей и товарищей не очень собранная, шумная,

так себе организованная. И Игорек наливался дурным румянцем еще в тот момент, когда часть народа опаздывала на вечеринку. Потом не по плану носили дрова и ставили палатки. Потом не так разводили костер. Потом не пошли на запланированную рыбалку на водохранилище рядышком... Под конец, когда вместо свиной шейки была пожарена первой куриная грудь, Игоря сорвало. Он шипел, возмущался, назвал всех нас, расслабленных, пьяненьких, неорганизованными придурками и ушел спать в палатку.

Мне было неловко, неприятно, но я это как-то замяла. Знала же, что он такой. А если любишь – то принимаешь человека целиком, со всеми недостатками. Иначе это не любовь.

Так я думала в заблуждении первой молодости.

Первые ласточки полетели в первый месяц после ЗАГСа.

План. План. План. План уборки. Расписание меню на неделю. Режим. График. План отпуска. План жизни, куда по датам вписывалось каждое событие, типа завести ребенка, купить машину, сделать ремонт... В какой-то момент я обнаружила себя жутко нервничающей, почти паникующей за рулем в дикой пробке – я не успевала приготовить по плану ужин и забрать пальто супруга из химчистки. И одно это вызвало во мне чуть ли не приступ ужаса. Я знала, что сейчас приеду домой, открою дверь, а он будет стоять на пороге, скрестив руки. Я буду виновато на него смотреть, а он будет поднимать брови и выговаривать мне за мое неправильное

поведение, которое, конечно, обязательно приведет в дальнейшем к полной анархии. Он вымотает мне нервы, будет говорить, говорить, пока я буду готовить ужин и заводить будильник пораньше, чтобы успеть исправить свои ошибки.

Или может быть по-другому, если его настроение будет подпорчено не совсем идеально выполненными делами.

Он будет кричать на меня, трести распечатками со списком планов для меня, ругать мою безответственность и разгильдяйство, приводить в пример себя. «Я стараюсь для нас! Почему тебе так сложно?! Ты меня совершенно не уважаешь! О какой любви в нашей семье может идти речь, если ты так поступаешь? Ты же знаешь, как это важно!»

Его голос с неприятной, чуть истеричной интонацией всплыл в голове надоевшей пластинкой.

В тот момент в той пробке я осознала, что не живу. Я существую на разлинованной двухмерной странице, отмечая галочкой выполненные пункты и получая нервотрепку за галочки пропущенные.

Тогда я с горем пополам вылезла из пробки, купила пачку сигарет – по плану жена, как будущая мать детей, должна быть некурящей.

Я сидела в машине не помню сколько. Наблюдала, как падает снежок, дымила одну за одной и совершенно не торопилась домой. А потом написала Татьяне. Скинула смску мужу и вырубил телефон, не желая слушать нотации.

..Я вернулась еще до полуночи. Спокойно открыла дверь.

Я была настроена на долгий серьезный разговор, на компромисс, я хотела поделиться, рассказать, что я так больше не могу, что надо что-то менять. Меня встретил багрово-красный муж, который, не дав мне даже снять ботинок, начал орать на меня так, что у него на виске забились жилки. Я так и опешила, стоя в одном ботинке, касаясь ногой в промокающем носке натекающей от снега лужи.

Он орал оскорбительные мерзкие вещи, называл меня проституткой и шлюхой, а потом, размахнувшись, ударил меня по щеке. За то, что я не соответствовала его идеалам правильной жены.

И это меня отрезвило до полного отвращения. Много мною было тогда сказано. Развели нас быстро – детей нет, делить нечего, каждый при своей подвижности и неподвижности. И слава богу: видеть его противную рожу я больше не могла, хотя он и пытался за мной волочиться, что-то там лепетал про прощение, но сильно не отсвечивал. И теперь – будьте-нате.

Стоит на пороге моего дома, довольно улыбается, козлиная. С цветочками, с упаковкой из модной кондитерской.

– Ты чего такая недобрая? – спросил он, входя в мой дом. А потом качнулся ко мне в явном намерении меня поцеловать.

– Настроение отстой. Кошмар приснился, – пробурчала я, ловко уворачиваясь от ненавистных губ.

Бывший кивнул, посетовал на магнитные бури и уверенно

отправился на кухню. Зажурчала вода. Хлопнул стеклянной створкой кухонный шкаф – это бывший доставал вазу для своего венника.

– Пойдем, выпьем кофе, пока не остыл. Твой любимый, с миндалем, – крикнули мне из кухни.

Я едва сдержалась, чтобы не попросить засунуть этот свой миндаль вместе с кофе себе в задницу.

Ну... Йола! Ну удружила! Век помнить буду! Пока я злилась, бывший разглагольствовал, а я смотрела на него и не понимала, как меня раньше не бесил его раздвоенный подбородок, серые, коротко постриженные волосы, из-за чего он напоминал обритого ежа, голос с слишком высокими интонациями... Еще и эти замашки комнатного тирана! Пфе!

Так. Надо отвлечься и послушать, что он говорит.

...– Я подумал, что ты все осознала. Нам вместе лучше, чем порознь. У меня столько планов на нашу жизнь...

Он болтал что-то еще, с довольной рожей допивая кофе, а я снова отключилась от приема, на этот раз от невероятной злости. Планы у него, у скота!

– В этих планах есть избиение жены за то, что она не ходит по струнке? – не сдержалась я. Лицо моего бывшего скорбно вытянулось.

– Я думал, мы с этим разобрались. Я же сказал тебе, что мне было так стыдно... я даже не знал, что тебе сказать, как подойти, как извиниться... Но ты же сама позвонила. Так к чему теперь ворошить прошлое?

Сама! Позвонила! Вот Йола идиотка! Она что, не получила при перемещении мою память? Я была зла почти до трясушки, в глазах потемнело, а потом...

Йола очнулась через несколько часов. И в этот раз резать вены ей не хотелось, как и двигаться в целом. Она лежала на спине, глядя в потолок, ощущала на запястьях тонкие магические путы, но не пыталась освободиться. Она не маг, так что нечего даже и пытаться. На нее напало оцепенение. А вот отдохнувший разум работал хорошо. Она впервые смогла отложить подступающую истерику в дальний ящик и старалась мыслить рационально. Не зря она «золотая» рабыня. А раз так, то нужно это оправдывать.

Взгляд невольно переместился на лодыжку. Привычно сверкнуло золото, но сверкнуло как-то странно. Новая цепочка? Но ведь это невозможно!

Почему она находится тут, и где ее прежний хозяин? Почему вокруг суетятся такие важные мужчины? Может, теперь она принадлежит кому-то из них? Вот было бы здорово, если бы Дереку Ват Йету! Он очень красив, очень властен – лучший хозяин, которого можно представить. Тело Йолы привычно налилось жаром при мысли об этом мужчине. Как давно она в него влюблена? Кажется, еще с того момента, когда она впервые оказалась во дворце – торопилась в Старый Шпиль, чтобы отнести переписанные бумаги, и глазела по сторонам. А он шел к ней навстречу в окружении пары

секретарей, что-то спокойно объяснял. Она замерла тогда и смотрела вслед ему до тех пор, пока его голос не истаял в коридорах дворца. Дерек Ват Йет произвел на нее сильное впечатление, и сердцу, пусть даже это и сердце простой рабыни, не прикажешь. А потом потянулись тяжелые, страшные годы, наполненные насилием, но Дерек Ват Йет, которого она изредка видела во дворце или еще реже – на улицах центральной части столицы, оставался для нее чем-то вроде недостижимого идеала. Йола вспомнила, как рад он был, когда она очнулась у него на руках.

Может, эта девушка, Вера... Если она оказалась в ее теле, то вполне возможно, что она сменила хозяина. Вера – очень сильный, свободный человек. Йола такой никогда не была и даже не мечтала стать. А раз Вера была тут, в ее теле, значит, она смогла добиться для себя справедливости. Но что же все-таки произошло? Почему она вернулась обратно?

Там, в том мире было хорошо. Там была независимость, там были знания и память другого человека, и эти знания позволяли Йоле жить так, как ей нравилось. Нужно как можно скорее во всем разобраться, и тогда, может быть, получится вернуться туда? Там нет никаких цепочек, нет никаких хозяев. Дерек Ват Йета там тоже нет, но зато есть Игорь, бывший муж Веры. Он очень добрый и заботливый, а что ударил Веру тогда, несколько лет назад, когда она загулялась... Йоле были доступны все воспоминания Веры, но из-за отсутствия хоть какого-то понимания нормы в отношениях она счита-

ла, что Вера была неправа. Какая женщина перечит супругу? Какая женщина станет говорить такие грубости, которые говорила Вера? И развод... В их мире разводов не было, а если и случались прецеденты, то о них трубили на всю империю. Да. Тот мир – предел мечтаний. Выбирай кого хочешь, делай что пожелаешь...

С усилием вырвавшись из своих мечтаний, Йола сконцентрировалась на другом. Она тщательно перебирала в памяти все, что только могла вспомнить. Последние ее воспоминания об этом мире заканчивались в ванной хозяина, на острых осколках, которые резали ей спину. Вспомнилась страшная истерика после очередного насилия, чернота, а потом – земная больница с земными врачами, чужая память, которая сразу же влилась в ее сознание, чужое тело и ощущение невероятного счастья. И Татьяна... При мысли о ней Йола поморщилась. Татьяна с самой первой минуты что-то подозревала. Йоле удавалось на время, используя чужую память, вернуть ее доверие, но в последние деньки Татьяна старалась ее избегать. В тот день, когда Йола вернулась в свой мир и в свое тело, Таня пришла с бутылкой вина и с серьезным разговором, который толком не успел начаться.

Потом была темнота и гадкое ощущение металла на лодыжке.

Отвратительно! А земные женщины еще и украшения на ногах носят!

Йола тяжело вздохнула и покосилась на свое «украше-

ние».

Золотые цепочки надевали на девушек сразу же после того, как они сдавали общие предметы по всем направлениям – от приготовления пищи до сложнейших математических наук. Обычно тем, кто получал золото, везло очень сильно. Таких девушек берегли, ведь стоили они очень, очень дорого. Но ее хозяин решил, что она должна отрабатывать свою стоимость всем, чем может. И пожаловаться на него она не имела возможности. На это стоял прямой запрет хозяина. Насилие могло бы вскрыться, если бы на ее бывшего хозяина кто-то донес, но кто станет – ради рабыни?

Но теперь-то все по-другому? Правда же?

Дверь открылась. Зашел Савар – главный в ГУСе. Его Йола тоже неоднократно видела в стенах императорского дворца – сталкивались порой, но он никогда не обращал на нее внимания. На рабов в принципе не обращают внимание, это почти что правило этикета. Но теперь он смотрел на нее внимательно и строго, а потом, не подходя близко и не снимая магических пут с ее рук, мягко, почти ласково спросил:

– Успокоилась?

Йола осторожно кивнула, и Сав убрал нити магии с ее запястий.

– Йола, почему ты решила убить себя? Из-за нас? Из-за того, что мы тебя обманули? Пойми, иначе было нельзя... Ведь все закончилось хорошо. Ты выжила, и за то, что ты сделала, будешь награждена самим императором. И мы с Ват

Йетом тоже постараемся загладить вину...

Чего? Чего?!

Йола слушала, но совершенно не понимала, что Савар ей говорит. Награда? От императора?! «Загладить вину» перед простой рабыней? Она что, в аналоге земного рая? Да что тут происходит?!

– Через десять дней император лично приставит тебя к высшей награде, сама понимаешь, надо сначала уладить последствия войны, разобраться с Дигоном...

Война? Шестнадцать богов! Да что тут произошло?!

..– А потом мы что-нибудь придумаем с нашей помолвкой.

На грудь сразу же надавил тяжелый кулон. Йола вскочила с кровати, уставилась на него в полнейшей шоке. Невеста? Савара? Это стало последней капелькой – перед глазами потемнело, а пол стремительно рванулся к лицу.

А в следующий миг она распахнула глаза в теле Веры, на полу ее кухни. Над ней стоял обеспокоенный Игорь и заботливо обтирал ее лицо мокрым полотенцем.

Глава 3

...! ... и ...!

Это были мои первые мысли, когда я открыла глаза и увидела перед собой озабоченную морду Савара. Нет, ну это уже издевательство какое-то! Боженька! Сделай так, чтобы все стало обратно! Пожалуйста!

Я зажмурила глаза, моля изо всех сил, чтобы это оказалось всего лишь сном или галлюцинацией, но уже ощущала, что тело не мое.

Я снова открыла глаза и уставилась на Савара, как на ядовитую гадину. Надеюсь, дура-Йола с ним еще не переспала. А то с бывшим муженьком-то она успела.

– Йола, тебе нужно отдохнуть еще. Ты поспи, а я вернусь позже, – сказал Сав, а меня от звука его голоса едва не вывернуло. Перед глазами тут же встали картины недавнего прошлого – кровь на его лице, мое безумное напряжение, когда я стремилась изо всех сил удержать тьму, мое сердце, которое перестало биться в очередной, хрен знает какой раз, голос Малека... Фу. Они все мной пожертвовали, разменяли как пешку. Разменяли. Убили. Я нервно дернула головой, и мою шею оцарапала чертова цепочка. Неужели я все еще в помолвочном ожерелье?

– Если ты не снимешь с меня эту дрянь, я тебя прямо ею и удавлю. Придушу. Прикончу. Поэтому будь столь добр и

любезен, сними это с меня прямо сейчас, иначе клянусь, тебе не поздоровится.

Все это я сказала таким жалким тоненьким голоском, что захотелось плюнуть с досады. Да, голос Йолы этому спичу не очень подходил. И я от него отвыкла.

Савар смотрел на меня совершенно спокойно. Хотелось крепко вмазать в это нахально глядящее на меня лицо. Как будто ничего не случилось. Как будто тот разыгранный безумный спектакль был глупой шуткой.

За своими эмоциями я не заметила, как вдруг исказилось лицо Савара. Зрачок в его глазах занял всю радужку, на щеку легла некрасивая складка. Он протянул руку и погладил меня по лицу.

– Ты теперь просто девчонка, без тьмы и без своих сил, – сказал он мне холодно и спокойно, приблизившись почти вплотную, – у тебя нет ни магии, ни способностей. Я могу взять тебя в жены, когда пожелаю. И делать все, что пожелаю. Ты всего лишь бывшая рабыня, не забывайся. Так что будь хорошей девочкой и держи свои словечки при себе.

М-м-м... Вот он, во всей красе. Мужик! Герой!

Я дернулась назад, почти упала на пол, лишь бы он меня не касался. Но ему было плевать. Он подхватил меня за талию, натянул цепочку помолвочного ожерелья до предела. Кожу резануло болью.

– Это просто так не снимается. Смирись и веди себя как невеста.

– Которую ты чуть не убил?

– Которая почему-то жива и относительно здорова. Мне сейчас некогда, но мы обязательно вернемся к этому разговору потом. А пока отдыхай. Вечером зайду, и мы поговорим, как взрослые люди. Ты все поняла?

Он отпустил меня в кресло и снова погладил по голове, пропустив пряди растрепавшихся волос между пальцев. А потом, не обращая на меня больше никакого внимания, вышел из комнаты. Не забыв ее запереть, конечно.

Я потеряла шею, на которой отпечатался узор проклятой цепочки. У-у, сволочь! Я тебе еще покажу небо в алмазах! Женишок на полставки! Как сыпану местного слабительного в утренний кофеек – мигом шелковым станешь!

Ситуация не добавляла мне оптимизма, и настроение было жутко гадким. Неудивительно. Я еще от потрясения из своего мира не отошла и от Игореши в своей кухне, а тут новая напасть...

Надо понять, почему я снова тут. И сделать все, чтобы вернуться обратно и разгрести бардак, оставленный Йолой. Хотя... А если она сейчас переместилась в мое тело? А если она прямо сейчас лепечет моему бывшему муженьку признания в любви? О-о-о. Только не это!

Я приняла душ, оделась, хорошенько поела и тщательно заплела волосы в длинную русую косу. Между делом стянула с лодыжки золотую цепочку-подделку. Надоело с ней шляться. Неудобная. С каждым движением я успокаивалась. А по-

том взяла бумагу, карандаш и села за стол. Нужно оставить несколько посланий Йоле, если нас опять перемешает. Спрятать их... Ну, хотя бы и в трусы –шить тайных карманов. «ДЛЯ ЙОЛЫ – НЕ СПИ С САВАРОМ! ОН КОЗЕЛ!» – написала я первым делом. Хмыкнула и продолжила давать другие мудрые советы.

Милосердные боги смилостивились! Какое счастье!

Игорь нежно касался ее лица прохладным влажным полотенцем, с тревогой заглядывал в глаза.

– Верунчик... Ты как? Может, нужно в больницу?

Йола ласково улыбнулась, потянувшись за его рукой.

– Нет, дорогой мой. Теперь точно все хорошо.

Она приподнялась, обвила его шею руками и счастливо вздохнула, ощутив его руки на своей талии. Сильные, добрые, заботливые руки. Для Йолы это прикосновение было как исцеляющий бальзам, как истинное счастье, ведь с такой заботой, с такой любовью ее никогда и никто не обнимал.

А о том ударе, который стал причиной развода Веры и Игоря... Она бы вынесла и с десяток таких оплеух просто за возможность хоть иногда ощущать, что ее любят, что о ней заботятся, беспокоятся. Эта мечта всегда была запрятана куда-то глубоко, в самые темные закутки сознания, и извлекалась только по особым случаям. Кто в своем уме будет любить рабыню? Кто станет о ней заботиться не как о вещи, которую нужно держать в порядке только потому, что она

дорогая, а как о человеке, о личности?

Никто и никогда не спрашивал у Йолы, что она хочет по-есть. Никто и никогда не интересовался, хочется ли ей идти в дождь или мороз по срочным делам хозяина. Никто не говорил ей искренних комплиментов, никто так не гладил ее тело – взახлеб, с любовью. И Йола была совершенно счастлива. Ведь Игорь вел себя с ней как с равной, но при этом еще и учитывал ее желания. Для рабыни это было чем-то совершенно невероятным.

Йола пила кофе, заботливо налитый Игорем в красивую чашечку, улыбалась мужчине напротив и думала. А что, если ее снова забросит туда, в ненавистный мир?

Она сделала бы все, чтобы остаться здесь. Наверное, надо действовать? Вот только как?

Дерек Ват Йет думал о том, что скажет Йоле. Он прокручивал диалоги один за другим, и самым лучшим вариантом оставалось не разговаривать вообще. Передать ей императорскую награду, отправить с деньгами и новым титулом куда-нибудь подальше и забыть, как страшный сон. Хотя нет, не страшный. Обольстительный, горячий сон, где в его руках шелком греются ее нежные локоны.

Дерек Ват Йет смог признаться себе, что девчонка его волнует. Новые для него чувства, ощущения, полутона эмоций захлестывали его, расслаивались в душе на совершенно невообразимое нечто. Ват Йет привычно заставлял себя не

чувствовать, не думать, силой воли отсекал все лишнее, но оно все заползло и заползло, как будто чувствовало, что ментальной стены больше нет. Оставить девчонку при себе или отправить с глаз долой? Вмешаться в ее отношения с Саваром, потому что она явно не хотела этого брака, или не лезть? Сделать ее своей невестой? Да нет, бред какой-то.

Все это крутилось в голове Дерека каждую минуту его существования, и от этого ему было скверно. Он явно испытывал к ней что-то серьезное, что-то такое, что даже тьма вырвалась наружу, не в силах стерпеть ее смерть.

Одновременно с этим холодный рациональный разум диктовал Дереку правильные, в общем-то вещи. Он воспользовался Йолой, да. Это едва не убило ее – тоже да. Он сыграл на ее чувствах, как по нотам, хладнокровно и жестоко разыграл представление. Он в какой-то степени предал ее, и если бы она умерла, ее гибель была бы на его совести. Но вместе с этим она была темной, она была рабыней, и он в самом начале из знакомства сказал, что она должна будет поработать на государство. Можно сказать, она отработала и досрочно вышла с государственной службы. Толку-то от девушки теперь нет. И правда, пусть получает награду от императора – титул и деньги, полную свободу, возможность распоряжаться своей жизнью так, как захочется. Пусть получает и живет, а он как-нибудь с ней сблизится. Может быть, она будет нуждаться в сильном мужчине рядом... Только не с Саваром. Напялил на девушку помолвочное ожерелье и радуется, зная, что

просто так его снять не получится.

Действительно, это проклятое помолвочное ожерелье можно будет снять только после брака и только в том случае, если он не будет подтвержден беременностью в течение года. Год... Ват Йет знал, что истинное помолвочное ожерелье снять несложно. Нужно только отречься от жениха вслух. Тогда древняя обережная магия Шестнадцати богов, крупницы которой остались еще в старинных помолвочных артефактах, разорвет обещание, более того, невеста никогда не сможет прикоснуться к жениху, а жених – к невесте. Магия просто не позволит, они будут отталкиваться друг от друга, как полярно направленные магниты. Только проблема была в том, что истинных – изначально созданных – ожерелий не осталось.

Первые такие ожерелья были гарантом добровольности брака. Шестнадцать богов, явившись в этот мир много веков назад, ужаснулись бракам по сговору, бракам нелюбимых с нелюбимыми, и даровали главам больших семей особые ожерелья. Тогда помолвочные ожерелья не были драгоценными булыжниками на цепочках из перелитого, смешанного с медью золота. Это были грубые светлые веревочки, на которых одиноко болтался или гладкий камушек, или простая жемчужинка, или даже пара иголок, застывших в кусочке сосновой смолы. Шестнадцать богов ценили простоту.

Люди с благодарностью приняли такой дар. Благословение Шестнадцати связывало двоих влюбленных нерушимы-

ми узами, и узы эти были настроены так тонко, что пара ощущала друг друга как одно целое. Еще благословение давало женщине, которая носит такое ожерелье, многодетность и крепкое здоровье. Ее супругу – успех и достаток. Их детям – ясный разум. Ценный дар. Даже, скорее, бесценный. Так что браки по любви стали очень распространены в Тирое, и люди стали счастливее. И богам от этого тоже было хорошо.

С такими ожерельями было связано множество историй, которые закончились чаще всего счастливо. Если невеста была против брака, то ей было достаточно нескольких слов, и никакие силы не смогли бы связать ее с нелюбимым.

Шли годы. Шестнадцать богов ушли, оставив людей наедине со своими игрушками, наедине с их технологиями, металлами, машинами. С их уходом истекла и первородная магия, очень медленно, но все же. Стали болеть дети, стали раньше умирать старики, хуже плодоносили деревья, медленнее всходил хлеб. Но жизнь продолжалась. На смену магическим водопадам пришел водопровод, левитация сменилась на машины, добывалась в штольнях руда... Изменились и помолвочные ожерелья, как и многие другие артефакты Шестнадцати, потому что люди принялись улучшать то, что дано было богами. Они взялись опутывать грубые светлые веревочки бесценных ожерелий золотыми цепочками, прятать нежную гальку или кусочек застывшей смолы среди драгоценных камней, менять аккуратный узелок на сложный замочек, и в конце концов тонкие нити магии Шестнадцати не

выдержали вмешательства, потеряв свое изначальное предназначение или даже изменив его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.